

Москва

Резиденция — Оперный театр

Без склеротических бляшек и провинциальных комплексов

Вот клип — 1997 — 5 минут — 2 ч.

П. де Вон и И. фон Дуйсбург в опере "Аида" / "Теликон-опера"

Уж что-то — а удивлять "Теликон" умеет. "Аида" с участием Полетты де Вон (США) и Иоганна фон Дуйсбурга (Германия) трижды прошла не то чтобы с аншлагом: спектакль каждый раз задерживали из-за слабой пропускной способности дверей. Рассосавшаяся наконец по углам зала среди законно сидящих дипломатов, артистов Большого театра и дошлых критиков толпа простых фанатов не обманулась в предвкушениях экзотики. Полетта де Вон, идеальная (и внешне) Аида в первом же представлении почти мистически вписалась в геликоноский спектакль. По ее влечению, приятно петь в театре, пусть и самом маленьком в мире, где чувствуешь себя в гуще событий, а не на какой-то там обочине. Понравились Полетте и высокая интеллектуальность постановки.

К третьему, заключительному спектаклю в нашем зрительном, на верное, генетически пророснул помешок-крепостник: всем казалось, что Полетта пела здесь всегда и обязана делать это впредь. "Теперь все мои певицы начнут подражать ей", — довольно сказал главный режиссер театра Дмитрий Бертман. Де Вон добавила и масштабности, и чисто человеческой переживаемости спектаклю, который в противовес очередному мертворожденному чуду Большого театра заставляет глубоко сострадать знаменитому вердиевскому любовному треугольнику.

Последнее действие шло даже как-то странно: зал обдалею застыл, и лишь парочка дам время от времени обмахивалась веерами в духоте, составляющей главную неприятность геликоноского зала с его вечными "битками".

Вторым зарубежным участником "Аиды" был Иоганнес фон Дуйсбург (Амстердам), уже выступавший тут в прошлом сезоне. Именно он, когда приглашенная в Москву Полетта позвонила ему в сомнениях "ехать — не ехать?" да еще практически бесплатно, сейчас же ответил: "Ехать, конечно!"

"Крупный план" крошечной сцены "Геликона" оказался весьма уютен для обоих гастролеров.

Здесь не спутаешь, как в Большом (проснувшись от стука упавшего с колен бинокля), Аиду с Амнерис. Кстати, 30 мая в геликоноском спектакле стержневую Амнерис удачно спела и сыграла Наталья Загоринская, обычно выступающая в роли крошечной Аиды. Это уже само по себе стало событием для завсегдатаев театра. На подьеме были и хор, и оркестр, никак не желавшие ударить в грязь лицом перед гостями. Вадим Заплетный в роли Радамеса был, как всегда, страстен и составил с новенькой Аидой весьма душещипательный дуэт (ныне он приглашен в Большой на партию Водомона в премьерную "Иоланту").

Впрочем, как ни крути, даже при всей несоизмеримости весовых категорий Большого театра и "Геликона" сравнения все же напрашиваются. Бертман выявляет и укрывает артистические способности своих певцов до силы воздействия театра драматического. В Большом же перед нами уже привычно сложены художественные фигуры, не объединенные общей аурой. И при постановке такой "массовой" оперы, как "Аида", лучше, наверное, ансамблевая скупность "Геликона", чем пусть даже 120 человек, но рассеянные по всей немасштабной сцене Большого. Танцевальные номера в маленьком театре с большими претензиями все же оригинальны. А в театре Большом, который постепенно перестает претендовать на то, что бы то ни было, — убого до смешного (в духе "Двенадцать неграбов пошли купаться в море").

Но и это полбеды. Беда в том, что из Большого со страшной силой улетучивается сам дух театра, подразумевающий главное, ради чего пишется музыка: сопереживание героям и, извините, затененное дыхание в минуты интимных дуэтов или завывающих поворотов сюжета.

"Геликон" же со всеми его выкрутасами, стелкерскими поисками, но и какой-то уже не привычной, священной любовью артистов к своим стенам, к своему обязательному режиссеру-диктатору, к своей божьей тусовке, от которой какой же нормальный человек откажется, возвращает зри-

телю свежесть самого импульса, толкнувшего гениального композитора положить на музыку ту или иную историческую или драматическую коллизию.

Понятно, что денежный вопрос испортил нас в последние годы почти все квартирное. А потому первый вопрос, с которым все наседали после необычной "Аиды" на Александра Гусева, главу оперного бюро "Госконцерта" и организатора проекта, касался методологии заманивания западных певцов на наши нищенские сцены. В самом деле, по его словам, московским театрам мешало приглашать гастролеров, "во-первых, отсутствия должных финансов, во-вторых, то, что все тут у нас замкнуто на собственных проблемах".

По иронии судьбы нынешняя "Аида" в "Геликоне" шла в те же дни, что и премьера в Большом театре. "Руководство Большого, однако, никакого интереса к Полетте де Вон не проявило, — сказал Гусев. — Оно вообще не к чему не проявляет интереса. Кажется, там даже не особо знают, из-за чего в современном оперном мире".

"Геликон" же намерен переодеться на "европейское производство". В частности, Бертман с присущей ему непосредственностью истинно ужасного ребенка заявляет, что "пытается слезить у Запада все, что возможно по технологиям". Так, к задуманному им "Сказкам Гофмана" декорации, и притом несомненно, будут изготовлены в Италии. Это обойдется в три раза дешевле, чем в наших мастерских, по старинке работающих с деревом и металлом.

Что же касается сферы ментальности, самым главным отечественным пережитком Бертман считает "сталинский" имидж певца, во что бы то стало стремящегося к единоличной власти над людьми. Это качество, к сожалению, проросло и в советскую школу вокала: большинство старых звезд первой величины учнут молодых не владеть всеми аспектами профессии, но быть красивым резонатором, не умеющим в образе действовать на сцене.

Замахи Дмитрия Александровича, пожалуй, беспрецедентны.

западным мастерам оперного искусства, отнюдь не нищим, становится важнее крутиться во всем мире, участвовать в самых неожиданных постановках (у московского "Геликона" здесь явный приоритет), в том числе показывать себя пусть и неумевшей, зато знающей и благодарной нашей публике. И в большинстве случаев достаточно оплатить им дорогу и гостиницу — главным же для подлинно творческого артиста остается все-таки азарт.

Что нам ждать от "Геликона" дальше?

Вернувшись из братиславских гастролей (туда везет "Пиковую даму"), с 23 по 26 июня театр покажет новую версию "Травиаты".

В начале нового сезона откроется Клуб друзей "Геликона" — они получат особые привилегии при проникновении на аншлаговые спектакли.

850-летию Москвы посвящен спектакль "Царская невеста" — премьера 6 сентября.

Осенью же "Геликон" открывает Международный оперный центр, и уже в октябре даст концерт и проведет мастер-классы Рената Скотто; идут переговоры с Карло Бергонци. Президентом клуба согласилась стать Любовь Казарновская (кстати, в следующем сезоне она споет здесь Виолетту).

18 — 19 октября театр везет на фестиваль русского искусства в лондонский "Куин Элизабет Холл" оперы "Мавра", "Мадалена" и "Пиковая дама".

Итальянская команда во главе с режиссером Андреа ди Бари (Флоренция) будет работать над "Севильским цирюльником".

Зимой французский режиссер Дани Криф поставит "Иоланту". Затем Дэвид Салкин (Англия) — оперетту А. Салливана "Микадо".

В марте Бертман представит собственную версию "Сказок Гофмана" Оффенбаха. А тем временем продюсерская фирма "Мосфильм Медиа" снимет два фильма-оперы — "Кармен" и "Евгений Онегин".

...Мне почему-то кажется, называю Бертман снисходительно своей "Геликон" театром-студией, наши музыкальные критики, перья которых обычно так раздражены, но скрипят на здеших спектаклях, что называется, врубившись в ситуацию. Но уровень притязаний этого молодого человека, не отягощенного ни склеротическими бляшками, ни провинциальными комплексами, слишком высок. Зная что-то свое, очень для него важное, он слегка помешивается над пишущими приборами, но внимательно выслушивает их. В отличие от руководителя Большого театра. Тот тоже своего рода упрямый ребенок, но, увы, "террибль" совсем в другом смысле. Со смехотворным пороком он заявляет о шедеврности каждой следующей провальной постановки, аргументируя это тем, что и у него всегда "биток". И громко клеймит критиков как бесчестных невежд, призывая лучше не писать вовсе.

"Геликон" же не желает жить в вакууме, предпочитая рисковать, быть публично поротым и снова рисковать. Тут, пожалуй, не сыскать ему конкурентов во всей нашей театральной столице.

Наталья ЗИМЯНИНА.